

ВОЗСТАНИЕ 17 (29) НОЯБРЯ 1830 ГОДА ВЪ ВАРШАВѢ.

Изъ записокъ русскаго, оставшагося въ плѣну у польскихъ мятежниковъ.

17-го (29-го) ноября 1830 года исполнилось 50 лѣтъ со времени бывшаго возмущенія въ Варшавѣ въ 1830 году.

Находясь тогда тамъ, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ фактовъ этого прискорбнаго событія, которые и передаю въ предлагаемомъ разсказѣ на страницахъ уважаемой „Русской Старины“.

А. П. Петровъ.

Политическія происшествія, случившіяся на западѣ Европы въ 1830 году, а именно іюльская революція въ Парижѣ, послѣдствіемъ которой было низложеніе съ престола Франціи царствовавшаго тамъ рода Бурбоновъ и возведеніе на тронъ короля изъ дома Орлеановъ,—въ особенности же смуты по поводу отдѣленія Бельгій отъ Голландіи,—отразились волненіемъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ силу Вѣнскаго договора 1815 года, Россія, какъ союзница короля Нидерландскаго, по просьбѣ его, намѣрена была оказать ему вооруженное содѣйствіе къ поддержанію его правъ и къ возстановленію спокойствія въ его государствахъ. Съ этою цѣлію былъ отправленъ въ Берлинъ къ королю прусскому генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ Забалканскій для переговоровъ о движеніи русскихъ войскъ чрезъ прусскія владѣнія въ Голландію. Между тѣмъ приготавлились къ походу за границу литовскій и резервный корпуса, состоявшіе подъ начальствомъ его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича. Польская армія также приводилась въ военное положеніе. Но происки заграничныхъ выходцевъ остановили исполненіе этого предположенія. Подстрекательства со стороны ихъ къ мятежу жителей Польши имѣли вліяніе на слабые умы, увлеченные надеждою о возстановленіи независимости ихъ края.

Съ осени 1830 года начали обнаруживаться въ Варшавѣ предвѣстники предстоящаго возмущенія. Къ нѣкоторымъ изъ числа лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія краемъ, были подбрасываемы подметныя письма о существовавшихъ заговорахъ, о приготавлившейся революціи и о намѣреніяхъ злоумышленниковъ къ покушенію на жизнь государя цесаревича; а на стѣнахъ зданій появлялись пасквили и возмутительныя воззванія. Хотя со стороны правительства принимались мѣры предосторожности, но подобнымъ дѣйствіямъ злоумышленниковъ не было придаваемо особенной важности, а признавались онѣ преступною шуткою только горсти неблагонамѣренныхъ людей, и великій князь оставался спокойнымъ въ ожиданіи наступленія грядущихъ обстоятельствъ, въ полномъ убѣжденіи, что благомыслящіе поляки, проникнутые чувствомъ признательности къ русскому правительству за восстановление ихъ королевства и за дарованное имъ конституціонное правленіе, не рѣшатся нарушить данной ими присяги на вѣрность ихъ королю въ лицѣ императора россійскаго.

Къ числу подобныхъ возмутительныхъ поступковъ должно также отнести приключеніе съ президентомъ города Варшавы (градскимъ главою) Войдою. Отставной изъ польской кавалеріи Янишевскій, питая неудовольствіе къ правительственной комисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, за отказъ въ просьбѣ его о предоставленіи ему мѣста, чрезъ что онъ съ семействомъ своимъ впалъ въ нищету, задумалъ отомстить чиновникамъ этой комисіи. Для приданія себѣ при этомъ болѣе бодрости, выпилъ онъ порядочно водки и выжидалъ на улицѣ воалѣ дома, занимаемаго комисіею, чтобы кто изъ него вышелъ, намѣреваясь на первомъ попавшемся утолить свою злобу. Жребій этотъ выпалъ на долю президента Войды, который, при выходѣ изъ комисіи, былъ ошеломленъ двумя жестокими ударами палкою отъ Янишевскаго. Отъ испуга президентъ перебѣжалъ на другую сторону улицы и уронилъ свою шляпу; но Янишевскій настигъ его и нанесъ ему еще третій ударъ. Къ счастью Войды, что онъ послѣ потери шляпы успѣлъ защитить свою голову лѣвою рукою, вдоль которой попалъ послѣдній ударъ, въ противномъ случаѣ этотъ опасный ударъ могъ разразиться на голову и причинить очень вредныя послѣдствія. За этотъ поступокъ виновный былъ подвергнутъ законному суду. Не менѣе того выходка Янишевскаго была принята съ одобреніемъ нѣкоторыми неблагонамѣренными личностями, которые вдумали устроить изъ нея слѣдующую грубую шутку. Назвавъ простую палку Войдовкою, по фамиліи битаго подобною палкою президента города, они подошли къ одному изъ стоявшихъ на улицѣ продавцовъ такихъ

палокъ, стали торговать ихъ и найдя выпрошенную за нихъ цѣну весьма не высокою, купили ихъ, сказавъ продававшему, что напрасно онъ ихъ такъ дешево продаетъ, ибо это не простыя палки, а Войдовки, которыя стоятъ гораздо дороже. Послѣ этого продавецъ, при требованіи отъ него подобныхъ палокъ, конечно запрашивалъ за нихъ немнѣвѣрную цѣну и на вопросъ: почему онъ такъ дорого за нихъ хочетъ, онъ отвѣчалъ, что это не простыя палки, а Войдовки, которыя всѣ съ охотою раскупаютъ. Эта продѣлка была открыта полиціею.

Другому, подходящему къ сему, случаю въ то же время я самъ былъ невольный свидѣтель. Идя однажды по Сенаторской улицѣ, я встрѣтилъ пьянаго, шатающагося человѣка изъ черни и посторонился отъ него; но онъ, не смотря на это, всталъ передъ мною, поднялъ свою палку вверхъ и произнесъ слѣдующія слова: «Ja Zygmund Jurkowski idę sobie romaŃu do domu, nikogo nie zaszerpię, a kto mnie zaszerpię, to kij tam», т. е. «я Сигизмундъ Юрковский иду себѣ потихоньку домой, никого не задѣваю, а кто меня задѣнетъ, то у меня есть палка». Конечно я постарался скорѣе уйти отъ такого человѣка, чтобы не подвергнуться непріятности, постигшей Войду.

Эти проявленія мятежнаго настроенія духа между варшавскими жителями еще болѣе подтвердились открытіемъ въ началѣ ноября мѣсяца 1830 г. преступнаго заговора, составленнаго студентами тамошняго университета, нѣкоторыми офицерами, полковниками и унтеръ-офицерами польскихъ войскъ, бывшими въ школѣ подпрапорщиковъ.

Его высочество, слѣдуя постоянно принятому правилу предавать поляковъ, за содѣянные ими преступленія, ихъ собственному народному суду, на основаніи существовавшихъ для того края законовъ, разрѣшилъ составить слѣдственную комиссію, для сужденія означенныхъ лицъ, изъ польскихъ генераловъ: графа Гауке, Рожнецкаго, Потоцкаго, Раутенштрауха и Фредро.

Наступилъ понедѣльникъ 17-го (29-го) ноября 1830 года.

Въ этотъ достопамятный день, въ 7 часовъ вечера, пришелъ я, по обыкновенію, для занятій въ военно-походную его императорскаго высочества государя цесаревича великаго князя Константина Павловича канцелярію, помѣщавшуюся въ Брилевскомъ дворцѣ, въ коей я тогда служилъ, и извѣстился отъ собиравшихся чиновниковъ о происходящемъ въ городѣ волненіи и пожарѣ, произведенномъ злоумышленниками, съ намѣреніемъ вызвать этимъ его высочество, ибо государь цесаревичъ имѣлъ обыкновеніе находится всегда при такихъ несчастныхъ случаяхъ и присутствіемъ своимъ одушевлять людей, при-

нимавшихъ мѣры къ тушенію. Но происшествія, совершившіяся въ то же время въ Бельведерскомъ дворцѣ, гдѣ великій князь имѣлъ постоянное мѣстопробываніе, воспрепятствовали его высочеству прибыть на пожаръ, произведенный въ двухъ мѣстахъ: на Сольцѣ, близъ казармъ гвардейской кавалеріи, и въ Ново-Липской улицѣ, близъ арсенала.

Около 7^{1/2} часовъ вечера, многіе польскіе офицеры, унтеръ-офицеры школы пѣхотныхъ подпрапорщиковъ и люди въ партикулярной одеждѣ вооруженною силою напали на Бельведеръ. Проникнувъ во внутренность комнатъ, занимаемыхъ государемъ цесаревичемъ, мятежники были встрѣчены тамъ прислугою великаго князя, изъ коихъ нѣкоторыхъ ранили. Въ то же время бывшіе во дворцѣ по дѣламъ службы: состоявшій при его высочествѣ генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Жандръ убитъ, а вице-президентъ (оберъ-полицімейстеръ) Варшавы Любовидаскій опасно раненъ.

Вслѣдъ затѣмъ возмутительное движеніе обнаружилось между польскими войсками, расположенными въ Варшавѣ, а именно: въ 4-мъ пѣхотномъ полку, содержавшемъ въ этотъ день городскіе караулы, въ саперномъ баталіонѣ и въ 9-ти взводахъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка; остальные же взводы этого полка и весь л.-гв. польскій конно-егерскій полкъ оставались вѣрными присягѣ и присоединились къ русскимъ войскамъ, сосредоточившимся къ Бельведеру. Сими послѣднимъ было приказано не вступать въ непріязненныя дѣйствія съ польскими войсками. Между тѣмъ при слѣдованіи изъ казармъ на сборный пунктъ л.-гв. Волинскаго полка, онъ вынужденъ былъ имѣть стычку съ напавшимъ на него 4-мъ пѣхотнымъ полкомъ и потерялъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными.

Къ ночи безпокойства огласились на улицахъ барабаннымъ боемъ, ружейными выстрѣлами и народными скопищами черни, которая, бросившись къ арсеналу и разобравъ, при содѣйствіи мятежническихъ войскъ, хранившееся тамъ оружіе, бродила безсознательно, почти не имѣя понятія о преступномъ намѣреніи злоумышленниковъ.

Среди этихъ смятеній, безпрестанно угрожавшихъ опасностію жизни всѣмъ русскимъ, находившимся въ Брилевскомъ дворцѣ, — всеблагое Провидѣніе послало намъ избавителя въ подпоручикѣ 4-го пѣхотнаго полка польскихъ войскъ Жиглинскомъ, бывшемъ въ тотъ день въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ съ 38-ю нижними чинами. Этотъ благородный офицеръ, по обязанности своей, въ 7 часовъ вечера отправился въ смежный съ Брилевскимъ дворцомъ Саксонскій дворецъ, гдѣ помѣщался театръ, во французскій спектакль, и

услышалъ отъ польскихъ офицеровъ о имѣющемъ послѣдовать возмущеніи,—почему немедленно вышелъ изъ театра къ своему посту, велѣлъ всему караулу зарядить ружья, и не смотря ни на что, исполнять его приказанія, подъ опасеніемъ лишиться жизни. Потомъ объявилъ русскимъ, что онъ до послѣдней возможности будетъ защищать насъ, не допустить мятежниковъ сдѣлать какія-либо раны оскорбленія и не сойдетъ съ своего поста до тѣхъ поръ, пока оудеть имѣть хотя нѣкоторую возможность на немъ держаться, или когда мы останемся въ совершенной безопасности,—что и исполнилъ съ величайшею твердостью и присутствіемъ духа, не смотря на покушенія мятежниковъ захватить насъ.

Вслѣдствіе этого рѣшительнаго поступка, г. Жиглинскій сдѣлалъ слѣдующія благоразумныя распоряженія: укрѣпилъ всѣ ворота Брилевскаго дворца, заперевъ ихъ на нѣсколько замковъ, окрутилъ одиѣ желѣзныя, выходящія на Саксонскую площадь, такими же цѣпами, и тѣмъ лишилъ средства проникнуть во дворы порывавшихся неоднократно къ тому мятежниковъ; сверхъ сего разставилъ часовыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ призналъ за нужное.

Выстрѣлы становились чаще, шумъ народный слышнвѣе, а толпы безсмысленной черни густѣли. Изъ числа оставшихся вѣрными своему долгу польскихъ войскъ, представшихъ къ его высочеству, 1-го конно-егерскій полкъ былъ посланъ для наблюденія порядка на Саксонскую площадь, гдѣ отбирая отъ проходящаго народа взятое изъ арсенала оружіе, обращалъ людей въ свои дома, а оружіе отдавалъ на гауптвахту Брилевскаго дворца къ подпоручику Жиглинскому, для храненія.

Польскія войска, снявъ всѣ содержимыя отъ нихъ въ городѣ караулы и приступивъ къ Брилевскому дворцу, предлагали выйти отсюда подпоручику Жиглинскому, но этотъ достойный офицеръ не удовлетворилъ ихъ требованіямъ и тогда, когда были употреблены противъ его насильственные мѣры и пули свистали по двору, гдѣ находился онъ на гауптвахтѣ съ карауломъ.

Видя неминуемую гибель, ежели бы мятежникамъ удалось какимъ-либо образомъ разбить ворота и силою ворваться во дворецъ,—мы взяли сложенное на гауптвахтѣ отобранное патрулями у черни оружіе и присоединясь къ караулу, рѣшились, если невозможно будетъ сопротивляться, то не даромъ по крайней мѣрѣ отдать жизнь свою. Протясь въ то время со всѣмъ привязывающимъ насъ къ здѣшнему міру, мы ожидали роковой минуты, когда цѣпи, укрѣпляющія ворота, прозвучатъ послѣдній для насъ ковецъ; по рука

Всевышняго остановила гибельный мечъ, готовый пролить невинную кровь.

Всѣ усилія злодѣевъ сокрушить твердыя желѣза ворота остались тщетны и мы сохранены невредимы, только во время распоряженій мужественнаго начальника поста, одна пуля прострѣлила его мундиръ, а другая попала рядовому въ киверъ, но обѣ не произвели никакого вреда.

Неустрашимость исполнившаго свой долгъ караульнаго офицера и строгое повиновеніе его подчиненныхъ привели въ удивленіе мятежниковъ, которые, видя, что ничѣмъ не могли склонить ихъ на свою сторону, удалились.

Наконецъ въ 5 часовъ утра 18-го (30-го) ноября, при усилившемся мятежѣ, пришелъ баталіонъ съ двумя орудіями и требовалъ чтобы Жиглинскій сдался, угрожая разбить въ противномъ случаѣ ворота пушками и взять домъ приступомъ. Видя невозможность далѣе защищаться, онъ приказалъ отворить ворота; но когда вошедшая вмѣстѣ съ войскомъ чернь спрашивала его: нѣтъ ли въ домѣ русскихъ, то онъ, желая сохранить насъ, утѣрилъ ихъ, что въ домѣ никого не было,—и послѣ сего вышелъ оттуда, осмыаемый искреннѣйшею признательностію русскихъ, обязанныхъ ему своимъ спасеніемъ.

По выходѣ толпы изъ Брилевскаго дворца, было похоже, что безпокойство прекратится, ибо тишина начала по прежнему водворяться въ городѣ. Мы вышли за ворота и отбирали оружіе у простого народа, изрѣдка проходившаго мимо. Но за этою тишиною, къ сожалѣнію, послѣдовало продолжительное неустройство, стоившее большого пролитія крови. Часовъ около 8-ми утра возобновились выстрѣлы, а появившіяся въ большомъ количествѣ вооруженныя мятежныя толпы принудили насъ возвратиться опять въ Брилевскій дворецъ, какъ безопаснѣйшее противу другихъ мѣстъ убѣжище. Когда же около полудня все приняло видъ прошедшаго вечера, то мы, скрывшіеся въ домѣ, гдѣ кто могъ, вновь ожидали смерти, которая къ намъ еще болѣе, казалось, приблизилась, когда польскіе юнкера вошли въ Брилевскій дворецъ и, выбирая лошадей изъ бывшей тамъ конюшни великаго князя, спрашивали между прочимъ и о русскихъ офицерахъ, но не получивъ ни отъ кого удовлетворительныхъ свѣдѣній, удалились съ лошадьми.

Кромѣ убитыхъ въ Бельведерѣ и при движеніи 1-го. Волинскаго полка, въ теченіе 17-го и 18-го ноября погибло отъ рукъ мятежниковъ нѣсколько генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ русскихъ и

польских войск и даже частных лиц. Некоторые из них пали жертвами преданности своей законному правительству; другие вследствие падавших на них подозрѣній въ измѣнѣ отечеству и шпіонствѣ; были и такіе, которые лишились жизни по недоразумѣнію или по ошибкѣ, бывъ приняты за другихъ лицъ, какъ напримѣръ: польскій генералъ Новицкій, умерщвленный подирпорщиками на улицѣ, котораго, по сходству фамиліи, сочли за Левицкаго, русскаго генерала отъ инфантеріи, бывшаго Варшавскаго коменданта, которому удалось избѣжать этой опасности, по случаю присоединенія къ государю цесаревичу.

На третій день, т. е. 19 ноября (1 декабря) 1830 года хотя и было довольно спокойно, но мы, видя, что въ Брилевскомъ дворцѣ намъ будетъ во всякомъ случаѣ безопаснѣе, нежели на своихъ квартирахъ, большая часть которыхъ была разграблена чернью, рѣшились въ немъ остаться, стараясь по возможности пробраться къ его императорскому высочеству, оставлявшему тогда Варшаву.

Вмѣстѣ съ жилищами русскихъ, подверглись расхищенію мятежниковъ денежныя суммы, хранившіяся въ полевой провіантской комисіи отдѣльнаго литовскаго корпуса, помѣщавшейся въ одномъ домѣ на улицѣ Новыи Свѣтъ,—такъ что передъ этимъ домомъ на улицѣ валялись русскія ассигнаціи, потерявшія цѣну до того, что за ассигнацію въ 25 рублей едва можно было достать серебряною или мѣдною монетою 1 злотъ, т. е. 15 коп. сер.

Между плѣнными въ Брилевскомъ дворцѣ находились нижніе чины отъ полковъ російской гвардіи, наряженные въ день мятежа въ казначейрію для посылокъ, и сторожа, которые такъ же, какъ и мы, во все это время не имѣли пищи, поэтому я на бывшіе при мнѣ 25 злотыхъ послалъ одного служителя изъ поляковъ купить что нибудь изъ сѣстныхъ припасовъ, который тайнымъ образомъ перелѣзъ черезъ заборъ и доставилъ намъ хлѣба и вина, чѣмъ мы подкрѣпили силы свои, истощенныя двухдневнымъ бодрствованіемъ.

Великій князь, избѣгая кровопролитія, не рѣшился возстановить въ Варшавѣ порядокъ силою оружія, но отступилъ съ русскими войсками къ сел. Вержба и слѣдовалъ далѣе въ предѣлы имперіи.

Съ учрежденіемъ въ Польшѣ новаго правительства подъ диктаторствомъ генерала Хлопицкаго, были присланы въ Брилевскій дворецъ депутаты отъ города, которые извѣстили насъ, что мы можемъ оставаться въ томъ дворцѣ въ совершенной безопасности, въ качествѣ военно-плѣнныхъ. На это мы имъ объявили, что не сопротивляемся ихъ намѣренію содержать насъ подъ арестомъ; но какъ въ такомъ

положеніи мы не будемъ имѣть средствъ къ своему пропитанію, то и просили ихъ обратить на это вниманіе правительства: Они съ своей стороны увѣрили, что въ этомъ отношеніи мы не будемъ терпѣть недостатка, и въ подкрѣпленіе сего дѣйствительно прислали послѣ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, конхъ стало намъ на три дня.

Вскорѣ затѣмъ отдѣлили отъ насъ генераловъ и военныхъ офицеровъ, переводомъ ихъ подъ арестъ въ Королевскій замокъ, гдѣ они имѣли хорошее содержаніе; прочихъ же чиновниковъ оставили по прежнему въ Брилевскомъ дворцѣ, не давая ничего, а дозволяя только изрѣдка по билетамъ отлучаться оттуда переодѣтыми въ партикулярное платье.

Недостатокъ продовольствія побудилъ насъ просить польское правительство о выдачѣ намъ жалованья за сентябрьскую треть 1830 года, которое предъ революціей уже было прислано изъ С.-Петербурга и хранилось въ Варшавскомъ комисаріатскомъ комисіонерствѣ. Для удостовѣренія сколько и кому именно изъ состоявшихъ въ плѣну русскихъ чиновниковъ причиталось въ выдачу, по распоряженію генерала Хлопицкаго, были составлены списки за подписью начальствовавшихъ лицъ, находившихся также въ плѣну. По доставленіи этихъ списковъ польскому правительству, были посланы уполномоченные отъ него въ комисіонерство, подъ предлогомъ взятія изъ кассы денегъ, слѣдовавшихъ русскимъ плѣннымъ; на самомъ же дѣлѣ они безцеремонно забрали въ свои руки всю сумму, хранившуюся тогда въ комисіонерствѣ, и распорядились ею по своему усмотрѣнію, а намъ ничего не дали.

Единообразная и скучная жизнь заключенныхъ русскихъ была иногда потрясаема разными неурядицами у мятежниковъ, какъ на примѣръ: при сложеніи по неудовольствіямъ съ генерала Хлопицкаго носимаго имъ званія диктатора и въ прочихъ сему подобныхъ случаяхъ, кои были не рѣдки, при существованіи различныхъ партій и при общемъ волненіи умовъ.

Въ пылу восторженнаго патріотизма, поляки печатали въ періодическихъ изданіяхъ разныя возмутительныя статьи, пѣли на улицахъ пѣсни и сочиняли мазурки со словами, какъ на примѣръ:

Мазурка 1-я.

Rznicie nam od ucha
Tęgiego Mazura,
Wszak że my zuch w zucha,
Hurra bracia, hurra!

Już ne żyją, za to ręce,
Makroty ¹⁾, Zandry ²⁾ i Fencze ³⁾,
Wszak że i to nie jest fraszka
Że podynda cny Jurgaszka ⁴⁾.

Choć mała figurka
Szymanosie ⁵⁾ drogi,
Nie żałujmy sznurka
Wisząc go za nogi.

Wszak że o tem dobrze wiecie,
Że wesz mała kasa przecie,
Dalej bracia w górę dynda,
Niech tyż on sobie podynda.

Мазурка 2-я.

Jeszcze Polska nie zginęła,
Kiedy my żyjemy и т. д.

3-я мазурка Хлопцакого.

Nasz Chłopicki woyak, brawu, śmiały и т. д.

Мотивы этих мазурок сохранились и впоследствии.

Наконецъ безпрестанная просьба находившихся въ плѣну русскихъ чиновниковъ о назначеніи какого-либо содержанія для пропитанія, или объ освобожденіи ихъ изъ плѣна съ отпускомъ въ Россію, побудили революціонное правительство дать намъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ Варшавы. Послѣ многихъ хлопотъ и затрудненій получить паспортъ, я, доставши его, въ числѣ 6-ти моихъ сослуживцевъ, долженъ былъ явиться по требованію въ Ратушу 9 января 1831 года, въ пятницу, въ 2 часа по полудни, вмѣстѣ съ моими спутниками и съ фурманомъ изъ евреевъ, который въ своей огромной

¹⁾ Бывшій парикмахеръ, подозрѣваемый въ шпіонствѣ и убитый мятежниками.

²⁾ Состоявшій при его высочествѣ цесаревичѣ генераль-лейтенантъ, убитый въ Вельведерѣ.

³⁾ При государѣ цесаревичѣ состояли два брата Феньша: одинъ генераль-маіоръ, вышедшій съ великимъ княземъ благополучно изъ Польши; а другой камергеръ, попавшійся въ плѣнъ мятежникамъ, содержавшійся въ Королевскомъ замкѣ и впоследствии лишенный ими жизни.

⁴⁾ Жандармскій штабъ-офицеръ польской службы, спасшійся отъ мятежниковъ.

⁵⁾ Изъ числа лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ; повѣшенъ мятежниками.

бричкѣ, покрытой сверху парусиной и запряженной въ 4 лошади, взялся довести насъ до русской границы, за условленную плату, которую мы не иначе могли ему отдать, какъ по прибытіи на мѣсто, — потому что въ ту минуту, когда отправлялись изъ Варшавы, мы были всѣ безъ денегъ. При исправленіи разныхъ формальностей для выпровоженія изъ города, насъ задержали въ Ратушѣ до сумерокъ. Между тѣмъ наступило время еврейскаго шабаша и жидъ-фурманъ, не столько изъ релігіознаго чувства, сколько потому, чтобы не показаться предъ своими единовѣрцами отступникомъ отъ соблюденія правилъ закона, отказался долѣе насъ дожидаться и только внявъ убѣдительной просьбѣ, посадилъ вмѣсто себя на козлы брички, для управленія лошадьми, какого-то жалкаго молодого католика, одѣтаго въ одинъ фракъ, съ клеенчатою фуражкой на головѣ, безъ перчатокъ или рукавицъ. Покуда насъ снаряжали въ дорогу, онъ кое-какъ отогрѣвался; когда же поѣхалъ съ нами по городу, въ сопровожденіи конвоировавшаго нашъ экипажъ жандарма, то окончательнѣе окончательно и едва мы выѣхали за заставу и провожавшій насъ жандармъ поѣхалъ обратно въ ратушу, какъ нашъ легко одѣтый извозчикъ-католикъ остановилъ лошадей, соскочилъ съ козелъ и убѣжалъ, оставивъ насъ въ бричкѣ на произволъ судьбы. Послѣ этого одинъ изъ насъ долженъ былъ замѣнить кучера и такимъ образомъ мы доѣхали до первой корчмы, гдѣ насъ уже дожидался настоящій фурманъ-еврей, подрядившійся насъ везти, и какъ тамъ не было его единоплеменниковъ, которые могли бы ему сдѣлать упреки въ нарушеніи обязанностей закона, воспрещающаго всякую работу въ шабашъ, то онъ преспокойно взялъ возжи и повезъ насъ далѣе.

Не даромъ предусмотрительные поляки задерживали насъ долго въ ратушѣ; они вѣроятно составляли маршрутъ для нашего слѣдованія. Чтобы скорѣе добраться въ Россію, мы рассчитывали, что поѣдемъ на одинъ изъ ближайшихъ пограничныхъ нашихъ городовъ, а именно: Брестъ-Литовскъ или Ковно. Вышло иначе: чтобы лишить насъ возможности видѣть военные приготовленія, дѣлаемые мятежниками по этимъ трактамъ, насъ направили на югъ въ Волинскую губернію. Но и на этомъ пути мы подвергались опасности.

Не смотря на нетерпѣливое наше желаніе скорѣе миновать Польшу, мы должны были останавливаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для кормленія лошадей и хотя извознику нашему запрещено было кому-либо говорить, что онъ везетъ русскихъ, но объ этомъ узнавали. Во время нашего проѣзда чрезъ Люблинъ, на постояломъ дворѣ, гдѣ мы остановились, явилось нѣсколько вооруженныхъ поляковъ съ требованіемъ,

чтобы мы, какъ молодые люди, способные носить оружіе, остались въ Польшѣ и вступили въ ихъ ряды. На это мы нашлись отвѣчать, что никакъ не можемъ исполнить подобнаго требованія, состоя въ русской службѣ и не получивъ отъ нея увольненія,—чему можетъ служить примѣромъ извѣстный всѣмъ случай, бывшій съ поручикомъ самогитскаго гренадерскаго полка Сузинимъ. Офицеръ этотъ, польскаго происхожденія, стоялъ съ ротою въ пограничномъ мѣстечкѣ. Какъ только вспыхнулъ мятежъ въ Польшѣ, онъ, узнавъ объ этомъ, явился къ своему ротному командиру и требовалъ вести солдатъ на присоединеніе къ мятежникамъ, но когда тотъ отказался, то Сузинъ убилъ его, принявъ команду надъ ротою и повелъ ее въ Польшу; на дорогѣ солдаты догадались о своемъ заблужденіи, заподозрили офицера въ измѣнѣ и отказались идти далѣе; тогда онъ одинъ перешагнулъ чрезъ границу Россіи, а солдаты въ него стрѣляли, но не сдѣлали ему вреда. Прибывъ въ Варшаву, Сузинъ явился къ диктатору Хлопицкому и требовалъ принятія его въ ряды польскихъ войскъ. Благоразумный главнокомандующій, не раздѣлявшій пагубныхъ замысловъ своихъ единоплеменниковъ и весьма часто удерживавшій ихъ отъ безрассудныхъ порывовъ патріотизма, напелся и въ этомъ случаѣ остановить Сузина. Увидѣвъ на немъ русскій мундиръ, Хлопицкій спросилъ: получилъ ли онъ увольненіе изъ русской службы? когда же тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, то диктаторъ объявилъ ему, что не можетъ принимать офицеровъ иностранной службы въ польскія войска до тѣхъ поръ, покуда эти офицеры не получаютъ отставки изъ прежней службы. Послѣ того Сузинъ шатался по Варшавѣ, не имѣя никакого назначенія.

Такому же затрудненію подвергались мы и въ Красноставѣ.

Прибывъ наконецъ въ Устилугъ на нашу границу, мы освѣдомились, что его высочество изволить находится въ мѣстечкѣ Бржестовицѣ Гродненской губерніи, куда не замедлили отправиться на томъ же самомъ извозикѣ. По прибытіи въ это мѣстечко, мы явились къ государю цесаревичу. Великій князь принялъ насъ благосклонно, разспрашивалъ о Варшавскихъ происшествіяхъ и былъ чрезвычайно удивленъ неблагодарностію поляковъ.

Здѣсь мы разсчитались съ нашимъ извозникомъ и отпустили его.

Изъ мѣстечка Бржестовицы его высочество поѣхалъ въ Вѣлостокъ, куда и я отправился въ концѣ января 1831 года. По отбытіи великаго князя въ дѣйствующую армію въ Царствѣ Польскомъ, я оставался въ Вѣлостокѣ при супругѣ государя цесаревича, ея свѣтлости княгинѣ Ловичъ, и жилъ тамъ во дворцѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ воз-

вратился въ Бѣлостокъ великій князь, при которомъ я находился до самой кончины его высочества, послѣдовавшей въ городѣ Витебскѣ 15 іюня 1831 года.

Прочіе русскіе чиновники, не успѣвшіе воспользоваться дозволеніемъ возвратиться въ Россію, равно какъ и военные генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, въ плѣну находившіеся, были переведены изъ Варшавы въ Ченстоховъ и другія отдаленныя отъ оной и Россійской границы мѣста, гдѣ владели скучное и опасное заключеніе до освобожденія ихъ нашими войсками.

Сообщ. въ 1880 г. А. П. Петровъ.
